

Н. Иванишевъ

О ДРЕВНИХЪ СЕЛЬСКИХЪ ОБЩИНАХЪ ВЪ ЮГОЗАПАДНОЙ РОССІИ

Въ отношеніи къ составу, сельскія общины югозападной Россіи являются въ различныхъ формахъ. Одно многолюдное селеніе могло составлять отдѣльную общину. Такую общину составляло село Богуринское въ Луцкомъ повѣтъ, принадлежавшее нѣсколькимъ помѣщикамъ ¹.

Но общины, состоявшія изъ одного селенія, встрѣчаются рѣдко; большею частію онѣ заключали въ себѣ нѣсколько, отъ четырехъ до девяти, сосѣднихъ селеній ². Одно изъ селеній, составлявшихъ общину, служило центральнымъ мѣстомъ, въ которомъ собирались крестьяне на вѣче. Частое стеченіе народа въ это селеніе развивало городскія отрасли промышленности, ремесла и торговлю. Тогда селеніе обращалось въ мѣстечко или городъ; жители его получали званіе мѣщанъ, но по прежнему принадлежали къ общинѣ, состоявшей изъ мѣстечка или города и сосѣднихъ селеній. Когда мѣстечку или городу, составлявшему центр сельской общины, предоставлялось магдебургское право, то городское народонаселеніе отдѣлялось отъ общины, составляло отдѣльную корпорацію, учреждало особенное управленіе, основанное на избирательномъ началѣ, и освобождалось отъ участія въ сельскихъ народныхъ собраніяхъ. Въ слѣдствіе такого отдѣленія самой богатой части народонаселенія, сельская община слабѣла; но связь между селеніями, ее составлявшими, не прекращалась. Можно полагать, что такимъ способомъ отдѣлился городъ Луцкъ отъ своей общины; потому что, не смотря на право магдебургское, которымъ пользовался этотъ городъ, предмѣстье его Окопища все еще продолжало сохранять связь съ селеніями: Вышками, Жидичиномъ, Теремнымъ, Яровицами, Дворцомъ и Липлянами, и составляло съ ними одну общину ³.

Селенія, составлявшія общину, назывались *селами околичными*. На какомъ основаніи и въ какое время возникла и утвердилась между ними общинная связь, опредѣлить трудно. Этотъ вопросъ можно будетъ рѣшить тогда, когда будутъ открыты болѣе древніе акты. Въ памятникахъ письменнаго законодательства, дошедшихъ до насъ, нѣтъ объ этомъ никакихъ постановленій. Крестьяне иногда жаловались въ урядъ, что нѣкоторыя селенія, состоя съ ними въ одной общинѣ, уклоняются отъ исполненія общинныхъ обязанностей; но связь между селеніями крестьяне доказывали не законами и не договорами, а одною только давностію: «они издавна съ нами о шкоды вшелякія схоживались»⁴.

Каждому селенію принадлежало пространство земли, определенное точными границами. Это необходимо было особенно потому, что, въ случаѣ преступленія, отвѣтственность, прежде всего, падала на то селеніе, на земляхъ котораго находимы были улики. Совокупность земель, принадлежавшихъ такимъ селеніямъ, составляла округъ сельской общины. По присоединеніи древнихъ областей югозападной Россіи къ Литвѣ и Польшѣ, общинныя земли частію присоединены были къ королевскимъ имѣніямъ, частію розданы помѣщикамъ, городамъ, церквамъ и монастырямъ; поэтому сельскія общины, въ томъ видѣ, какъ онѣ изображаются въ открытыхъ нами актахъ, не имѣли права собственности на земли, ими занимаемыя. Впрочемъ, каждый крестьянинъ отдѣльно могъ пріобрѣтать поземельныя участки, и владѣть ими на правѣ полной собственности.

Сельская община состояла изъ всѣхъ лицъ простаго сословія (люди простаго стану), имѣвшихъ постоянную осѣдность въ ея округѣ. Сюда относились: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, сельчане, или свободные поселяне (мѣщане, не пользовавшіеся правомъ магдебургскимъ. Сверхъ того, къ общинѣ принадлежали также земляне королевскіе, то есть, безземельные шляхтичи, которые получали во владѣніе участки королевскихъ земель, подъ условіемъ исполнять определенныя, преимущественно военныя повинности.

Исчисленныя нами общины находились только въ двухъ повѣтахъ: Луцкомъ и Владимірскомъ, но изъ Статута Литовскаго видно, что это установленіе распространено было по всей Руси и въ другихъ мѣстахъ; а Русь, въ тѣснѣйшемъ смыслѣ составляли воеводства: Волынское, Подольское, Бельское и Русское, къ которому принадлежали земля Львовская, земля Саноцкая, земля Галицкая и земля Хелмска. Сверхъ того, изъ актовъ видно, что сельскія общины существовали и въ воеводствѣ Кіевскомъ.

Главная цель соединенія селеній въ общины состояла въ томъ, чтобы предупредить нарушеніе законовъ, открывать и преслѣдовать преступниковъ, судить и наказывать ихъ, наконецъ присуждать и доставлять обиженному вознагражденіе. Каждое селеніе порознь и вся община вмѣстѣ отвѣчали за проступки всѣхъ своихъ членовъ. Въ предѣлахъ своего округа, община ручалась за безопасность жизни и имущества какъ своихъ собственныхъ членовъ, такъ и пришельцовъ. Мы говоримъ здѣсь о сельской общинѣ, какъ она является въ открытыхъ нами актахъ XVI и XVII вѣка; во времена болѣе отдаленныя, она могла имѣть болѣе обширный кругъ власти и отвѣтственности.

Каждая сельская община имѣла свои народные собранія для совѣщаній и для рѣшенія дѣлъ, подлежащихъ ея вѣдомству. Такое народное собраніе называлось *копа* или *купа*, также *громада*, *великая громада*. Совѣщаніе народнаго собранія называлось *въчель*: копа собиралась на вѣче, то есть, для совѣщанія⁵. Изъ этого видно, что вѣча, о которыхъ упоминаютъ наши древнія лѣтописи, не были исключительно принадлежностію городскихъ общинъ, но они принадлежали и сельскимъ общинамъ. Слово вѣче встрѣчается только въ древнѣйшемъ изъ открытыхъ нами актовъ (1564 Апрѣля 18); въ позднѣйшихъ актахъ употребляются слова *купа*, *копа* и *громада*; въ актахъ XVII вѣка слово копа исчезаетъ и употребляется вездѣ слово громада.

Не всѣ лица, принадлежавшія къ сельской общинѣ, составляли народное собраніе и участвовали въ его совѣщаніяхъ; это право предоставлялось однимъ только домохозяевамъ, имѣвшимъ постоянную осѣдность. Ихъ сыновья и братья, не имѣвшіе отдѣльныхъ хозяйствъ, а также женщины, являлись въ собраніе только по особому требованію копы и при томъ не для совѣщанія, а только для свидѣтельскихъ показаній⁶. Копы иногда поручала домохозяевамъ допросить сыновей и братьевъ и представить собранныя свѣденія народному собранію⁷. На копѣ являлся священникъ, но онъ присутствовалъ для приведенія подсудимыхъ къ присягѣ и въ качествѣ свидѣтеля, не принимая участія въ народныхъ совѣщаніяхъ⁸.

Домохозяева, составлявшіе народное собраніе, назывались: *сходатаи*, *сходатаи суграничные*, *сосѣди околичные*, *сосѣди-суграничники*, *судьи копные*, *мужеве*, *панове-мужеве*, *обчіе*, то есть, общинные *мужи*. Между ними отличались *старцы*, которыхъ мнѣніе пользовалось уваженіемъ особенно въ такихъ случаяхъ, когда нужно было постановить приговоръ на основаніи давнихъ рѣшеній народнаго собранія.

Такъ какъ каждый домохозяинъ обязанъ былъ присутствовать въ народныхъ собраніяхъ, и такъ какъ крестьяне, въ молодыхъ лѣтахъ,

вступали въ бракъ и могли основывать отдѣльные хозяйства; то по этому каждый изъ нихъ имѣлъ возможность, въ теченіи многихъ лѣтъ, изучать народное обычное право и, въ свою очередь, передавать его младшимъ поколѣніямъ. Такимъ образомъ, вѣче было не только судебнымъ собраніемъ, но и школою для изученія права, которое, безъ помощи письма, сохранялось въ памяти мужей-сходатаевъ, переходя отъ одного поколѣнія къ другому.

Сверхъ сходатаевъ, въ народное собраніе приглашались люди изъ трехъ селеній сосѣдней общины, по одному или по два человека изъ cadaго селенія. Эти лица назывались *людьми сторонними*; они не участвовали въ совѣщаніяхъ и въ постановленіи приговора, но слѣдили за ходомъ дѣлъ въ народномъ собраніи, чтобы, въ случаѣ надобности, свидѣтельствовать о производствѣ дѣлъ и судебныхъ рѣшеніяхъ.

Помѣщики и ихъ управители могли также присутствовать на копѣ; это случалось тогда, когда они сами приводили своихъ крестьянъ на вѣче. Впрочемъ, помѣщики и ихъ управляющіе не участвовали ни въ совѣщаніяхъ копы, ни въ постановленіи судебныхъ приговоровъ. Какъ народному собранію, такъ и подсудимымъ, предоставлялось право приглашать *вознаго* изъ гродскаго уряда. Въ такомъ случаѣ возный присутствовалъ на копѣ въ качествѣ свидѣтеля, составлялъ протоколъ и представлялъ свое донесеніе въ урядъ гродскій, для вписанія въ актовыя книги.

Число сходатаевъ иногда было весьма значительно. Копя, собиравшаяся въ 1601-мъ году, заключала въ себѣ около ста человекъ хотя собраніе было не полное, потому что нѣкоторые помѣщики своихъ крестьянъ на вѣче не пустили⁹. Копя, собиравшаяся въ 1602-мъ году, состояла изъ полутора ста судей копныхъ¹⁰.

Копя собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которое называлось *коповище* или *копище*, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горою. Если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человека, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ или его разрозненные члены.»

Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простаго сословія, имѣвшія свою осѣдность въ округѣ сельской общины, именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшихся правомъ магдебургскимъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самыхъ помѣщиковъ. Помѣщики имѣли право, по добровольному

согласію, представлять копѣ рѣшеніе споровъ, между ними возникавшихъ. Такъ въ 1591 году возникъ споръ между паномъ Малинскимъ и паномъ Вышинскимъ о правѣ собственности на ниву и копань. вмѣсто того, чтобъ обратиться въ урядъ, помѣщики собрали копу, на которой старцы показали, что на спорной нивѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, покрадена была рѣпа, и что копа присудила удовлетвореніе пану Малинскому, что въ другой разъ собиралась копа о покражѣ пшеницы на той же нивѣ, и что вознагражденіе присуждено было тому же пану Малинскому. На этомъ основаніи, спорная нива и копань признаны собственностію пана Малинскаго; рѣшеніе было записано въ актовья книги и получило законную силу¹¹. Если въ помѣщицьемъ имѣніи, находившемся въ округѣ общины, причиненъ былъ вредъ, и если подозрѣніе падало на одного или нѣсколькихъ помѣщиковъ, имѣвшихъ осѣдлость въ томъ же округѣ, то помѣщикъ, потерпѣвшій вредъ, имѣлъ право собрать копу и просить, чтобъ она изслѣдовала дѣло и присудила удовлетвореніе за причиненный вредъ. Тогда копа посылала возныхъ и требовала, чтобъ обвиняемые помѣщики вмѣстѣ съ своими крестьянами, явились предъ собраніемъ и оправдались въ обвиненіи. Если помѣщики не являлись, то копа три раза посылала свое требованіе, и за тѣмъ, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія, опредѣляла декретомъ своимъ взыскать съ непослушныхъ помѣщиковъ и ихъ крестьянъ удовлетвореніе за весь вредъ, причиненный истцу. По окончаніи суда, копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло, и объявляли рѣшеніе, для внесенія въ гродскія книги¹². Копа имѣла право производить слѣдствіе надъ помѣщикомъ. Если онъ присутствовалъ при этомъ и замѣчалъ, что открываются обстоятельства, уличающія его въ преступленіи, то могъ прервать дѣйствіе копы, и требовать, чтобы дальнѣйшее изслѣдованіе дѣла предоставлено было уряду гродскому. Такъ на копѣ, производившей въ 1581 году слѣдствіе о убіеніи Жидовъ-мытниковъ Луцкихъ, присутствовалъ панъ Яковъ Шибенскій съ своими крестьянами. Дворовая женщина Таца показала подъ пыткой, что убійство совершено съ вѣдома пана Шибенскаго. Тогда панъ Шибенскій сказалъ: «Слышу, что здѣсь и обо мнѣ идетъ рѣчь; эта подлая женщина и меня вмѣшала въ дѣло. Поэтому я, чтобъ доказать свою невинность, предаю всѣхъ, подозрѣваемыхъ въ преступленіи, суду уряда гродскаго, и самъ являюсь въ урядъ въ назначенный срокъ». За тѣмъ копа разошлась, прекративъ изслѣдованіе дѣла¹³.

Постоянно возрастающая власть помѣщиковъ, ограничивая общинныя права поселянъ, произвела важное измѣненіе въ составѣ народныхъ собраній. Въ XVII вѣкѣ, мужи-сходатаи начинаютъ терять свое прежнее значеніе, уступая власть своимъ помѣщикамъ. Села

околичныя посылають отъ себя только по одному депутату; помѣщикъ или помѣщица съ нѣсколькими пріятелями, иногда въ присутствіи священника, производятъ судъ и расправу, постановляя приговоръ, на основаніи Литовскаго Статута. Крестьяне, присланные околичными селеніями, присутствуютъ безмолвно, соглашаясь съ распоряженіями помѣщика и его пріятелей; судъ общинный перестаетъ называться копнымъ судомъ, и получаетъ названіе сельскаго суда (*sad wieiski*) ¹⁴.

(стор. 3-14)

Въ порядкъ судопроизводства копа слѣдовала своимъ древнимъ обычаямъ: «водле стародавное звыклости, водлугъ давнаго звычаю, водлугъ стародавнаго звычаю» ¹⁵. Совокупность народныхъ юридическихъ обычаевъ называется *копнымъ* правомъ; судъ, производившійся на основаніи этихъ обычаевъ, называется *копнымъ* судомъ. Сходатаи говорили: «звычай права нашего копнаго», противопоставляя это право посполитому праву, подъ которымъ они разумѣли писанные законы, изложенные въ Статутъ Литовскомъ. Нѣкоторые обычаи копнаго права вошли въ составъ Статута и такимъ образомъ получили силу писаннаго закона. О такихъ обычаяхъ сходатаи говорили: «копный звычай, въ правѣ посполитомъ описанный» ¹⁶.

Если преступленіемъ нарушены были права частнаго лица, то, по началамъ копнаго права, обиженному самому предоставлялось отыскивать своего *шкодника*. Истецъ спрашивалъ людей, собиралъ письменныя доказательства, отыскивалъ улики. Такое предварительное изслѣдованіе дѣла называлось *обыскомъ*. Если истецъ, при всемъ своемъ стараніи, не могъ отыскать своего шкодника, и если онъ подозрѣвалъ, что преступникъ находится въ округѣ сельской общины, то онъ имѣлъ право требовать, чтобъ собрана была копа. Для этого онъ обращался къ помѣщикамъ, которые, по просьбѣ истца, высылали своихъ крестьянъ на вѣче. Истецъ могъ также обратиться въ урядъ гродскій, который давалъ ему урядовый листъ ко всѣмъ околичнымъ селеніямъ, составлявшимъ общину, приказывая собраться на копу (идти на копу, идти до права), въ определенное время и въ назначенномъ мѣстѣ. Такіе же листы урядъ разсылалъ отъ себя по всѣмъ околичнымъ селеніямъ ¹⁷. Крестьянинъ помѣщичій, желавшій предложить дѣло на рѣшеніе копнаго суда, обращался къ своему помѣщику, который оповѣщалъ околичныя селенія, назначая мѣсто и время собранію.

Всѣ селенія, составлявшія общину, обязаны были собраться на копу, въ назначенный срокъ. Если какое нибудь селеніе не являлось въ собраніе, то копа избирала депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ, отправлялись въ не явившееся селеніе и звали сходатаевъ на копу. Когда

сходатаи идти не хотѣли, то депутаты возвращались и объявляли объ этомъ копѣ. Тогда копа, слѣдуя стародавнему обычаю, постановляла приговоръ, что селенія, не явившіяся на вѣче, за ихъ упорство въ непослушаніи, должны удовлетворить истца за весь причиненный ему вредъ, а себѣ искать виноватаго. Правило, на которомъ копа основывала такой приговоръ, выражалось словами: «невыходъ платить шкоду»¹⁸.

Когда всѣ околичныя селенія, составлявшія общину, были собраны на копѣ, то истецъ имѣлъ право сдѣлать имъ переключку, чтобъ удостовѣриться, всѣ ли сходатаи находятся на лицо; за тѣмъ онъ словесно излагалъ свою жалобу и произведенный имъ обыскъ, прося сходатаевъ изслѣдовать дѣло и постановить приговоръ, на основаніи права. Жалобу истца копа должна была слушать безмолвно, не прерывая рѣчей.

По выслушаніи жалобы, копа обязана была разъяснить всѣ обстоятельства преступленія и открыть виновнаго. Для достиженія этой цѣли, употреблялись два способа: во первыхъ, распросъ на копѣ сходатаевъ и другихъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу; во вторыхъ, изслѣдованіе *знаковъ*, то есть уликъ, доказывающихъ преступленіе; первый способъ называется *опытъ* (чинить опытъ, выслушать опытъ), второй способъ называется *ликъ* (копа ликомъ доходить шкодника, копа выходитъ на ликъ о шкоды).

Право производить опытъ принадлежало истцу. Сходатаи, тотчасъ по выслушаніи жалобы, начинали совѣщаніе, переговариваясь между собою. Если при этомъ совѣщаніи какойнибудь сходатай проговаривался, или открыто объявлялъ, что знаетъ преступника, или имѣетъ на когонибудь подозрѣніе; то истецъ долженъ былъ засвидѣтельствовать это объявленіе копою (освѣтчать копою), и тогда копа требовала, чтобы проговорившійся сходатай объявилъ имя преступника и все, что ему извѣстно о преступленіи. Если онъ отказывался исполнить это требованіе, то долженъ былъ удовлетворить истца, по приговору копнаго суда; но, удовлетворивъ истца, онъ пріобрѣталъ право отыскивать преступника, требовать отъ него удовлетворенія, или предать его суду.

Когда сходатаи, окончивъ переговоры, объявляли, что имъ ничего неизвѣстно ни о преступленіи, ни о преступникѣ, тогда истецъ объявлялъ, на кого онъ имѣетъ подозрѣніе, и подтверждалъ свои слова доказательствами. Подозрѣніе могло быть двоякаго рода: во первыхъ, истецъ могъ объявить, кого именно онъ считаетъ преступникомъ (кому даетъ вину); во вторыхъ, онъ могъ изъяснить подозрѣніе, что ктонибудь изъ лицъ, принадлежавшихъ къ общинѣ, знаетъ, кѣмъ совершено преступленіе, но не хочетъ выдать преступника. Обвиняемый, противъ доказательствъ истца, долженъ былъ дать выводъ, то есть, очистить себя отъ подозрѣнія, опровергнувъ доводы истца, или представивъ

доказательства своей невинности. Если отвѣты обвиняемаго копа находила удовлетворительными, то освобождали его отъ подозрѣнія; но если истецъ не соглашался съ мнѣніемъ копы, то могъ требовать, чтобъ обвиняемый былъ подвергнутъ пыткѣ, и копа исполняла требованіе истца. Но если допрашиваемый былъ человекъ добрый, вѣры годный и неподозрительный, то истецъ могъ подвергнуть его пыткѣ только тогда, когда подтверждалъ свое подозрѣніе присягою. Если бы истецъ ничего не домучился, и подозрѣніе его осталось не доказаннымъ, то онъ обязанъ былъ заплатить обвиняемому за муку, по приговору копнаго суда. Пытка производилась въ присутствіи копы; допрашиваемаго съкли прутьями и жгли огнемъ.

Истецъ могъ три раза собирать копу, если распросъ сходатаевъ и изслѣдованіе судебныхъ доказательствъ того требовали. Послѣ перваго копнаго собранія, истецъ, до окончанія суда, отдавалъ помѣщику на поруки, въ опредѣленной суммѣ денегъ, всѣхъ крестьянъ того села, на которое падало подозрѣніе. Помѣщикъ обязанъ былъ заботиться о томъ, чтобы крестьяне этого селенія, уклоняясь отъ отвѣтственности, не разошлись въ разбродъ. Между каждою сходкою назначалось три дня промежутка; въ теченіи этого времени, истецъ продолжалъ розысканіе, для пополненія своихъ доказательствъ, а сходатаи обязаны были собирать свѣдѣнія, допрашивая сыновей и слугъ своихъ.

Если копа, на всѣхъ трехъ сходкахъ, объявляла, что она ничего не знаетъ и не вѣдаетъ ни о преступленіи, ни о преступникѣ, и если истецъ, съ своей стороны, ни на кого не могъ объявить подозрѣнія, то ему предоставлялось выбрать по произволу, по нѣскольку мужей изъ всѣхъ селеній, присутствовавшихъ на копѣ, и требовать присяги въ томъ, что они ничего не знаютъ о преступленіи и преступника не вѣдаютъ. Послѣ третьей сходки, на другой день, копа собиралась снова, и сходатаи, избранные истцомъ, приводились къ присягѣ; впрочемъ, истцу предоставлялось требовать присяги только отъ одного изъ нихъ, и если онъ отказывался, то, по приговору копы, долженъ былъ удовлетворить истца.

Сверхъ распроса сходатаевъ, средствомъ къ открытію преступника служили улики, называемыя въ актахъ копнаго суда *знаками*. Къ такимъ знакамъ преимущественно относились слѣды, оставленные преступникомъ на дорогѣ, по которой онъ уходилъ, совершивъ преступленіе; также трупъ убитаго и разрозненные его члены. Если уликой были слѣды, оставленные преступникомъ, то истецъ, собравъ на копу сходатаевъ всѣхъ селеній, составлявшихъ общину, и пригласивъ людей стороннихъ, *зналъ слѣдъ*. Копа, *взявъ слѣдъ* въ томъ мѣстѣ, гдѣ совершено преступленіе, вела его до конца. Каждое селеніе,

входившее въ составъ общины, обязано было отвѣсти слѣдъ отъ своихъ земель. Если бы какое нибудь селеніе на копу не явилось, а между тѣмъ слѣдъ доведенъ былъ до земли, ему принадлежавшей, то копа, остановившись на слѣду вызывала сходатаевъ, требуя, чтобъ они вышли, *взяли слѣдъ* отъ копы и отвели его отъ своей земли къ чужой границѣ, по стародавнему обычаю. Если никто не являлся на зовъ, то копа ночевала на слѣду и, на другой день, во второй и третій разъ, вызывала жителей селенія. Если и послѣ третьяго зова никто не являлся, то копа, оставаясь на томъ же слѣду, присуждала все селеніе, неявившееся на слѣдъ, къ удовлетворенію истца за причиненный преступникомъ вредъ и за всѣ убытки. Жители этого селенія, удовлетворивъ истца, получали право отыскивать преступника.

Если въ округъ общины находили трупъ неизвѣстнаго убитаго человека, и если никто не являлся съ жалобою на убійство, то помѣщикъ или его управляющій, принявъ мѣры къ сохраненію трупа, созывалъ сходатаевъ околичныхъ селеній для распроса, который производился надъ трупомъ убитаго. Сначала спрашиваемы были крестьяне того селенія, на земляхъ котораго найденъ былъ трупъ. За тѣмъ, помѣщикъ, или его урядникъ, три раза спрашивалъ сходатаевъ, не извѣстно ли кому нибудь изъ нихъ, кто былъ убитый, и къмъ совершено убійство? Если сходатаи объявляли, что не знаютъ ни убитаго ни убійцы, то каждый изъ нихъ долженъ былъ присягнуть въ томъ, что онъ убитаго не знаетъ, преступника не въдаетъ, и что никто изъ его общины не совершалъ убійства. За тѣмъ копа погребала трупъ, составлялся актъ копнаго слѣдствія и вносился въ актовыя книги.

Если истецъ, производя обыскъ, отыскивалъ своего шкодника въ какомъ нибудь селеніи, то обращался къ сельской громадѣ, которая, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ представленныя имъ доказательства, обязана была выдать преступника. Истецъ могъ помириться съ своимъ шкодникомъ, получивъ отъ него удовлетвореніе, по добровольному согласію, или могъ препроводить его на мѣсто преступленія и предать копному суду. Если преступникъ подлежалъ смертной казни за совершенное преступленіе, то истецъ долженъ былъ приглашать палача. Копа, выслушавъ жалобу истца и разсмотрѣвъ его доказательства, допрашивала обвиняемаго, а если недовольствовалась добровольнымъ показаніемъ, то подвергали его пыткамъ. По окончаніи слѣдствія, копа постановляла приговоръ и, если обвиняемый за свое преступленіе подлежалъ смертной казни, то онъ тотчасъ предавался въ руки палача.

Предъ совершеніемъ казни, каждый изъ присутствовавшихъ въ народномъ собраніи могъ требовать, чтобъ осужденный преступникъ

былъ подвергнуть пытку, для удостовѣренія, не совершил ли онъ еще какихъ преступленій; особенно предсмертная пытка считалась необходимою, если въ округѣ общины преступленія были часты. Пытку подвергался преступникъ также и тогда, когда онъ сговаривалъ кого нибудь въ преступленіи; но оговоръ только тогда имѣлъ важность, когда осужденный подтверждалъ свои слова предъ самымъ совершеніемъ казни, стоя на ступеняхъ лѣсницы, приставленной къ висѣлицѣ (на послѣднемъ ступию у шибеницы на дробинѣ). За тѣмъ палачъ совершалъ казнь, въ присутствіи народнаго собранія.

Приговоръ копнаго суда называется *выналязокъ*¹⁹, *знайденье копное*, *указанье* или *всказанье копное*²⁰. Въ позднѣйшихъ актахъ употребляется слово *декретъ*, *декретъ копный*²¹. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ, составлявшихъ народное собраніе (копа сказала, или всказала, копа забороняла). Неизвѣстно, какъ поступала копа въ случаѣ разногласія, возникавшаго между сходатаями при рѣшеніи дѣлъ; такой случай не встрѣчается въ открытыхъ нами актахъ.

Въ юридическихъ обычаяхъ югозападной Россіи, какъ вообще въ древнихъ славянскихъ и германскихъ законодательствахъ, начало частнаго права было преобладающимъ, не только въ дѣлахъ гражданскихъ, но и уголовныхъ. Лицо, котораго право было нарушено преступленіемъ, могло предать виновнаго всей строгости законовъ, или окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; въ послѣднемъ случаѣ, преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Особенно уважалось прощеніе, которое давалъ смертельно раненный своему убійцѣ; преступникъ освобождался отъ всякаго суда и не платилъ головщины родственникамъ убитаго. Даже и въ томъ случаѣ, когда преступникъ былъ приговоренъ и къ смертной казни, онъ могъ *поеднаться*, то есть, помириться съ истцомъ и освободиться отъ наказанія²². Если дѣло не оканчивалось добровольнымъ соглашеніемъ, то копа постановляла приговоръ на основаніи Статута Литовскаго²³.

Постановивъ приговоръ, копа принимала мѣры къ его исполненію. Если преступникъ приговоренъ былъ къ смертной казни, то приговоръ немедленно исполнялся въ присутствіи копы, на мѣсть суда. Если копа присуждала къ денежному взысканію, помѣщичьяго крестьянина и если онъ платить отказывался, то всѣ сходатаи отправлялись къ помѣщику и требовали, чтобъ онъ приказалъ своему крестьянину исполнить приговоръ копнаго суда²⁴. Право собственности на бортное дерево въ общемъ лѣсу обозначалось на самомъ деревѣ клеймомъ владѣльца. Если кто жаловался объ уничтоженіи клейма и о незаконномъ завладѣніи бортнымъ деревомъ, то копа отправлялась въ лѣсъ и, постановивъ приговоръ, возобновляла клеймо истца, уничтоживъ клеймо незаконнаго владѣльца²⁵. Во всѣхъ

случаяхъ, когда отвѣтчикъ отказывался исполнить приговоръ копнаго суда, сходатаи приглашали вознаго, излагали ему дѣло и вмѣстѣ съ нимъ отправляли отъ себя посланцовъ въ урядъ гродскій, прося записать приговоръ въ актовыя книги.

Сельская община югозападной Россіи, съ ея юридическими обычаями и самостоятельнымъ составомъ копныхъ судовъ, имѣетъ признаки глубокой древности. О началѣ и происхожденіи этого установленія мы не находимъ никакихъ свѣдѣній, ни въ лѣтописяхъ, ни въ письменныхъ законодательныхъ памятникахъ. Съ большою вѣроятностію можно предполагать, что сельскія общины возникли въ то время, когда славянскія племена, населявшія нынѣшнюю югозападную Россію, еще не были соединены государственнымъ союзомъ, подѣ верховною властію государей. Это предположеніе мы основываемъ на слѣдующихъ доказательствахъ: древніе князья русскіе, какъ великіе, такъ и удѣльные, не могли быть основателями сельскихъ общинъ. Въ первый періодъ образованія русскаго государства городскія общины существовали въ югозападной Россіи, во всей ихъ силѣ, выражая свою власть посредствомъ народныхъ собраний, которыя назывались вѣчами. Демократическое начало, на которомъ основаны были эти народныя собранія было совершенно противоположно политикѣ великихъ князей русскихъ, стремившихся къ самодержавію; по этому древняя исторія Россіи представляетъ продолжительную и упорную борьбу верховной власти князей съ могущественными городскими общинами. Нельзя предполагать, чтобы князья Русскіе, истребляя городскія общины огнемъ и мечемъ, въ тоже время основывали сельскія общины, тѣмъ болѣе что города, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которые возникали не по распоряженію правительства, но по естественнымъ экономическимъ законамъ, въ слѣдствіе увеличенія народонаселенія и развитія промышленности, возникали изъ сельскихъ общинъ и почерпали изъ нихъ свои жизненныя силы.

Древнихъ польскихъ королей нельзя также считать основателями сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи. Они, также какъ и русскіе князья стремились къ самодержавію, и поэтому старались ослабить общинное начало у всѣхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ польскаго королевства. Этой цѣли короли польскіе достигали преимущественно распространеніемъ нѣмецкаго права въ земляхъ имъ подвластныхъ, и усиленіемъ власти помѣщиковъ надъ крестьянами. Нѣмецкое право, проникавшее въ Польшу со временъ Болеслава 1-го (992-1025), основывалось на избирательномъ началѣ; вмѣсто народнаго собранія или вѣча являлся войтъ съ лавниками и ратманами. Эти лица имѣли административную и судебную власть; народныя собранія подѣ

открытымъ небомъ замѣнялись засѣданіями въ магистратахъ и ратушахъ, народные юридическіе обычаи уступали мѣсто нѣмецкому праву, общины или совершенно исчезли или слабѣли, теряя свое древнее юридическое значеніе.

Въ Статутъ Литовскомъ, въ первый разъ находимъ ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о существованіи сельскихъ общинъ въ югозападной Россіи, объ ихъ древнемъ обычномъ правѣ и народныхъ собраніяхъ. Во всѣхъ трехъ редакціяхъ Статута, сельская община является не новымъ, но стародавнимъ установленіемъ; народное сельское собраніе, или копа, производитъ судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ.

Статутъ Литовскій 1529 года, въ первый разъ предоставилъ народнымъ собраніямъ законную, обязательную силу. Копа собирается, производитъ слѣдствіе и судъ, въ слѣдующихъ случаяхъ: 1, Въ случаѣ вреда, причиненнаго въ чужомъ лѣсу (разд. VIII, арт.5); 2, Въ случаѣ присвоенія чужой борти (разд. VIII, арт. 6); 3, Копа производила также слѣдствіе и судъ о воровствѣ, если преступникъ былъ не извѣстенъ, и если подозрѣніе въ покражѣ падало на цѣлое селеніе. Впрочемъ, законодатель не считалъ нужнымъ вносить въ Статутъ полную систему обычнаго права, предполагая это право болѣе извѣстнымъ, чѣмъ писанные законы. Поэтому, въ Статутъ постановлено рѣшать дѣла по стародавнимъ обычаямъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, на которые нѣтъ опредѣленныхъ писанныхъ законовъ (разд. VI. арт. 1, 5, 25; разд. VIII. арт. 6). Такимъ образомъ, обычное или копное право, имѣвшее своимъ основаніемъ автономію общинъ, утверждено было верховной властію и получило силу закона, наравнѣ съ писанными законами.

Второй Статутъ Литовскій, изданный въ 1566 году, подтвердилъ статьи перваго Статута о копныхъ судахъ и, сверхъ того, заимствовалъ изъ копнаго права еще нѣсколько постановленій, не вошедшихъ въ первый Статутъ. Сюда относятся: слѣдствіе и судъ надъ трупомъ челоука провзжаго или безплеменнаго, за котораго некому было получить головщину (разд. XI. арт. 31); слѣдствіе и судъ о потравѣ хлѣба скотомъ (разд. XIII. арт. 2); о преслѣдованіи и открытіи преступника, по его слѣдамъ (XIV. арт. 6.).

Третій Статутъ Литовскій, изданный въ 1588-мъ году, принялъ въ свой составъ постановленія о копныхъ судахъ, помѣщенныя въ первыхъ двухъ Статутахъ²⁶, подтвердилъ существованіе древнихъ сельскихъ общинъ въ югозападной Руси и распространилъ это установленіе на нѣкоторыя другія области, входившія въ составъ польскаго королевства. Говоря о преслѣдованіи преступниковъ, Статутъ постановляетъ, что на Руси и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ издавна бывали народныя собранія сельскихъ общинъ (копы), тамъ они должны существовать на старыхъ

коповищахъ, по старому обычаю. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копы не бывали, тамъ они должны быть собираемы, такимъ же порядкомъ. Подкоморіи, завѣдывавшіе разграниченіемъ и размежеваніемъ земель, должны были въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде копъ не бывало, назначить сборныя мѣста, или коповища, приписавъ къ этимъ центральнымъ мѣстамъ всѣ околичныя селенія, находившіяся, со всѣхъ четырехъ сторонъ, на растояніи одной мили ²⁷.

Не смотря на постановленіе Статута Литовскаго, имѣвшее цѣлю распространить сельскія народныя собранія въ югозападной Руси и дать имъ законную силу, сельскія общины, въ XVI и XVII вѣкахъ, являются въ состояніи совершеннаго упадка и разрушенія. Находясь въ противурѣчій съ новыми началами государственнаго устройства и особенно съ властію помѣщиковъ, не соотвѣтствуя тому состоянію, въ какое были поставлены, какъ увидимъ ниже, крестьяне въ это время, — сельскія общины югозападной Россіи, съ своими вѣчами и копнымъ правомъ, поражаютъ изслѣдователя, какъ развалины древняго, нѣкогда обширнаго и (можетъ быть) стройнаго зданія, среди вновь построеннаго города. Власть вѣча и юридическіе обычаи, имъ созданныя, въ древнія времена имѣли основаніемъ автономію общинъ. Но эта автономія должна была прекратиться съ принятіемъ верховною властію новыхъ началъ и съ развитіемъ неограниченной власти помѣщиковъ. Съ тѣхъ поръ, общинное или копное право должно было оставаться неподвижнымъ; вся его сила и дѣйствительность принуждены были основываться только на вѣрномъ сохраненіи обычаевъ въ памяти мужей-сходатаевъ, на старинѣ и давности. Поэтому, когда сходатаи являлись въ урядъ и требовали исполненія постановленнаго ими приговора, то они ничѣмъ не могли доказать справедливость своего требованія, какъ только давностію своего копнаго права. Такъ, общинная связь между селеніями, обязанность являться на копу и отвѣчать за совершенныя въ округъ общины преступленія основывались только на томъ, что крестьяне этихъ селеній были сходатаями издавна: «издавна о шкоды вшелякія схоживалися». Также точно и основныя положенія копнаго права, которыми руководствовались собранія общинъ въ производствѣ слѣдствія и суда, основывались на одной только давности: «издавна межи нами шкодника ничѣмъ инымъ, какъ только копою доходятъ»; или: «невыходъ всегда платитъ шкоду, по стародавнему обычаю»; «копа вела слѣдъ, водле стародавнее звыклости» ²⁸. Основываясь на давности и остановившись неподвижно въ своемъ развитіи, копное право въ XVI и XVII вѣкахъ, является несовременнымъ, несоотвѣтствующимъ новымъ условіямъ общественной жизни. Притомъ же, въ это время существовали правительственныя мѣста, по разнымъ отраслямъ управленія: урядамъ гродскимъ

принадлежала мѣстная полиція, судъ надъ преступниками и рѣшеніе споровъ о движимой собственности; дѣла о поземельной собственности принадлежали уряду земскому; подкоморскіе суды завѣдывали межевыми дѣлами. Эти правительственныя мѣста, обнимая всѣ отрасли мѣстнаго управленія, руководствовались определенными писанными законами; поэтому копные суды, съ своими древними обычаями, сохранившимися въ памяти сходатаевъ, представляли странную аномалію въ общемъ составѣ управленія.

Сходатаи, составлявшіе народныя сельскія собранія, находясь въ состояніи жалкаго униженія и угнетаемые бѣдностію, теряли способность быть безпристрастными слѣдователями, разумными судьями и правовѣдами²⁹. Отъ этого, при изслѣдованіи преступленій, они дѣйствуютъ робко, и рѣшенія ихъ не всегда согласны съ правомъ. Такъ на копѣ, производившей слѣдствіе, въ 1564 году, о выдраніи пчелъ изъ бортей, истцы, крестьяне Сенько и Демьянъ, объявили подозрѣніе въ покражѣ на повара господарскаго Степана. Обвиняемый давалъ отводъ, ссылаясь на мѣщанина Мельницкаго Зенька. По копному праву, слѣдовало, прежде всего распросить Зенька; но истцы, не слушая приговора копы, подвергли обвиняемаго пыткѣ, били прутьемъ и жгли огнемъ. Сходатаи, вмѣсто того, чтобъ удержать мучителей, разошлись, и допрашиваемый умеръ подъ пыткой³⁰. Униженіе и бѣдность произвели нравственную порчу въ сельскомъ народонаселеніи; поселяне, вмѣсто того, чтобы предотвращать преступленія, открывать и наказывать преступниковъ, сами разбойничали, поджигали и грабили имѣнія сосѣднихъ владѣльцевъ, упорно отказываясь являться на вѣче, для открытія и наказанія преступниковъ.

Судебная власть, которою пользовались крестьяне въ народныхъ собраніяхъ, находилась въ рѣзкомъ противурѣчій съ неограниченною властію помѣщиковъ. Помѣщикъ и его управляющій имѣли безотвѣтное право казнить своихъ слугъ и крестьянъ смертію³¹. Эти же самые крестьяне, собранные на копу, могли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, требовать помѣщиковъ на свой судъ и подвергать ихъ взысканіямъ. Сходатаи, находясь въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ и рѣшая дѣла въ ихъ присутствіи, не могли имѣть той свободы мыслей, которая необходима для безпристрастнаго изслѣдованія дѣла и для добросовѣстнаго суда. Иногда помѣщичій урядникъ, присутствуя на копѣ, вмѣшивался въ дѣлопроизводство, перебивая рѣчи истца, прерывая распросъ сходатаевъ ругательствами, и самовольно уводилъ крестьянъ изъ собранія, не дождавшись судебного рѣшенія³². Производя слѣдствіе и судъ подъ вліяніемъ помѣщиковъ и ихъ урядниковъ, копа постановляла рѣшенія, не всегда согласныя съ правомъ. Такъ, на примѣръ, копа,

собиравшаяся для изслѣдованія и рѣшенія дѣла о покражѣ яблокъ и хмѣля въ саду Евстафія Коровая, въ угоду этого помѣщика, рѣшила дѣло неправильно. Одинъ изъ сходатаевъ, Хведько Игнатовъ сынъ, объявилъ на копѣ, что онъ видѣлъ, какъ сыновья крестьянина Кузьмича везли хмѣль чрезъ село отъ саду пана Евстафія Коровая. Послѣ такого показанія нужно было, по копному праву, допросить сыновей крестьянина Кузьмича; но копа, производя судъ въ присутствіи помѣщика, рѣшила дѣло иначе, предоставивъ истцу право выбрать изъ присутствовавшихъ въ собраніи крестьянъ шесть мужей, которые должны были присягнуть, что они о покражѣ ничего не знаютъ и преступника не вѣдаютъ. Крестьяне, твердо зная свое копное право, присягать отказались, сказали: «Ужъ какъ ты себѣ хочешь, панъ Коровай, а мы присягать не пойдемъ и не хотимъ; такъ какъ Хведько Игнатовъ сынъ вызналъ, что сыны Кузьмичовы везли чрезъ село хмѣль, отъ саду пана Евстафія Коровая ко двору своего помѣщика». Тогда панъ Коровай выбралъ одного изъ шести сходатаевъ, крестьянина Гераська Кузьмича, и требовалъ отъ него одного присяги. Герасько Кузьмичъ также присягать отказался. Тогда копа опредѣлила декретомъ своимъ, что Герасько Кузьмичъ, отказавшійся присягнуть по требованію пана Коровая, долженъ заплатить за весь вредъ, причиненный покражею въ саду пана Коровая. Такимъ приговоромъ нарушено было копное право въ существенныхъ его основаніяхъ. Такъ какъ общинный союзъ оказывался безсильнымъ для предупрежденія преступленій и для водворенія безопасности, то помѣщики устанавливали между собою *заруку*: они заключали договоръ, по которому крестьяне одного селенія, причинившіе вредъ другому селенію, обязаны были, сверхъ удовлетворенія за убытки, платить денежный штрафъ, опредѣленный договоромъ ³³.

Въ слѣдствіе жалкаго состоянія крестьянъ и ихъ безусловной зависимости отъ помѣщиковъ, народныя сельскія собранія теряли довѣріе; ихъ копное право выходило изъ употребленія, ихъ судебные приговоры оставались безсильными, возбуждая презрѣніе помѣщиковъ. Такъ однажды объявленъ былъ приговоръ копы помѣщицъ Хребтовичевой въ Богуринѣ. На основаніи этого приговора, вся копа, въ полномъ составѣ, явилась къ помѣщицѣ и требовала, чтобъ она приказала уряднику своему заплатить за покражу вола. Пани Хребтовичева отвѣчала: «Я на голое слово мужицкое платить не приказываю» ³⁴. Наконецъ, въ XVII вѣкѣ, нѣкоторые помѣщики вовсе запретили своимъ крестьянамъ ходить въ народныя сельскія собранія и принимать участіе въ общинныхъ судахъ. Въ 1602 году, собиралась копа во Владимірскомъ повѣтѣ, около села Могильна. Крестьяне села Овадна, входившаго въ составъ общины, не явились на вѣче. Тогда сходатаи отправили отъ себя депутатовъ въ село

Овадно и требовали, чтобъ крестьяне этого села явились на копу, крестьяне села Овадна сказали депутатамъ: «Мы рады были бы на копу идти, да паны наши приказали, чтобы мы ни на какую копу не ходили; поэтому, боясь своихъ пановъ, не пойдёмъ»³⁵.

Изображенное нами состояніе сельскихъ общинъ югозападной Руси, въ XVI и XVII столѣтіяхъ, доказываетъ, что это установленіе уже отжило свой вѣкъ, что оно какъ остатокъ древности, противурѣчило новымъ формамъ общественной жизни и должно было исчезнуть отъ разширенія власти правительственныхъ мѣстъ и лицъ, отъ нравственнаго и экономическаго упадка поселянъ, наконецъ отъ постепеннаго возрастанія власти помѣщиковъ надъ крестьянами.

(Стор. 14-34).

Примечания

1. См. [прил. II](#) (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотъ).
2. Въ открытыхъ нами актахъ находимъ шесть такихъ общинъ: 1) Община въ Владимірскомъ повѣтѣ заключала въ себѣ четыре селенія: помѣщичьи селенія Низненичи, Бутятичи, Варески и село епископа Владимірскаго Тышкевичи ([прилож. VI.](#)); 2) Община въ томъ же повѣтѣ заключала въ себѣ пять селеній: королевское село Стеферицкое и помѣщичьи села Овлучимъ, Вербое, Руда и Вохновичи ([прилож. V.](#)); 3) Въ Луцкомъ повѣтѣ община заключала въ себѣ шесть помѣщичьихъ селеній: Крупое, Ставокъ, Дворецъ, Подгайцы, село Переднее Подгайцы и Вишки. Въ составъ этой общины входило также предмѣстье Луцкое (книга грод. Луцкая 1583-го года, листъ 255-й); 4) Общину въ Владимірскомъ повѣтѣ составляли семь помѣщичьихъ селеній: Могильно, Гнойно, Турья, Смолянка, Колинъ, Войчовъ и Вербое (книга гродская Владимірская 1602 года, листъ 131); 5) Общину въ Луцкомъ повѣтѣ составляли восемь селеній: Велицкъ, Селецкъ, Подлѣсье, Арсоново, Корсынъ, Читогощъ, Брехово, и Уголье ([прил. I.](#)); 6) Въ томъ же повѣтѣ общину составляли девять помѣщичьихъ селеній: Порыцкъ, Жмучъ, Воля Жмудская, Мельница, сельцо пана Евстафія Коровая, сельцо пана Андрѣя Коровая, сельцо паньи Малинской, село Углы и село Подлѣсы (книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47).
3. Книга гродская Луцкая 1596 года, листъ 237.
4. [Приложеніе III](#) (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).
5. См. [приложеніе I](#) (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотъ).
6. Книга гродская Луцкая 1583-го года, листъ 255-259.

7. Въ той же книгѣ, листъ 274.
8. Тамъ же, листъ 297.
9. Книга грод. Владимірская 1601-го года, листъ 131-132.
10. Смотри [прилож. V](#) (Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286).
11. Книга гродская Луцкая 1591 года, листъ 47, на оборотѣ.
12. См. [приложеніе V](#) (Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286).
13. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 297-300.
14. См. [прилож. VI](#) (Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ). Также книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 638.
15. Смотри [прилож. III](#) (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79); книга гродская Луцкая 1591 года, 47 на оборотѣ; книга грод. Владимірская 1601 года, листъ 131.
16. Книга гродская Луцкая 1569 года, листъ 237-й. Здѣсь помѣщено слѣдствіе и судъ о найденномъ въ округѣ общины трупъ неизвѣстнаго человѣка. Обычай, въ этомъ случаѣ наблюдавшійся, внесенъ въ Статутъ и составилъ арт. 31, разд. 11.
17. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 255.
18. См. [прилож. III](#) (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).
19. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.
20. См. [прилож. I](#) (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).
21. Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ. Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 480-й.
22. Такъ въ селѣ Подгайцахъ копа осудила на смертную казнь, за убіеніе тиуна, отъявленныхъ разбойниковъ; крестьянина Гушу и его сыновей, но осужденные поеднались и освобождены были отъ наказанія. Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 274-й.
23. Книга гродская Владимірская 1622 года, листы 480 и 638-й, [приложеніе VI](#) (Книга гродская Владимірская 1622 года, листъ 911, на оборотѣ).
24. См. [прилож. II](#) (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).
25. См. [прилож. V](#) (Книга гродская Владимірская 1608 года, листъ 286).
26. Разд. XI. арт. 26; разд. XIII. арт. 2; разд. XIV. арт. 2, 9, 17 и 18.
27. Стат. Литов. 1588 года, разд. XIV. арт. 2.
28. См. [прилож. III](#) (Книга гродская Луцкая 1583 года, листъ 76-79).
29. Въ актовыхъ Луцкихъ книгахъ находится описаніе нѣкоторыхъ селеній, входившихъ въ составъ одной изъ исчисленныхъ нами выше общинъ, именно селеній: Топольнаго, Воли Рожицкой, Пожарокъ, Теремнаго, Липлянъ и мѣстечка Рожища. Возный доносилъ уряду, что всѣ эти селенія «зубожонные, двory покажонные, погнилые, люди разогнанные, знищеные». Книга гродская Луцкая 1591 года, листы 314-318.
30. См. [прилож. I](#) (Книга гродская Луцкая 1564 года, листъ 62 на оборотѣ).
31. Это право предоставлено было помѣщикамъ въ 1557 году. Слѣдующая выписка изъ актовыхъ книгъ представляетъ образецъ помѣщичьего суда и доказываетъ, что помѣщики и ихъ управляющіе дѣйствительно пользовались правомъ казнить смертію своихъ слугъ и крестьянъ. Въ 1593-мъ году, генеральный возный доносилъ уряду гродскому: «Былъ я въ мѣстечкѣ Степановскомъ, когда панъ Василій Золотолинскій судилъ слугу своего Миша, который убилъ Петра Творовскаго, слугу пана Богдана Омельяновича, старосты Степанскаго. И когда тотъ Мишо, убійца, представлень былъ на судъ, то панъ Золотолинскій спрашивалъ его: «признается ли онъ въ своемъ преступленіи?» и Мишо сказалъ: «я ничего никакой вражды съ Петромъ Творовскимъ не имѣлъ, только грѣхъ меня попуталъ, что я его убилъ». Панъ Золотолинскій, слыша такое

добровольное признаніе слуги своего Миша, осудилъ его, какъ убійцу, на смертную казнь. Тотъ же часъ, предо мною вознымъ, осужденный отданъ былъ въ руки палача и, какъ убійца, подвергнутъ строгой казни: «былъ четвертованъ». (Книга гродская Луцкая 1593 г., листъ 798). Въ 1573-мъ году, возный Кременецкій, Григорій Гуляльницкій, доносилъ уряду Кременецкому: «Былъ я у пана Ласка Секунскаго, вмѣстѣ съ слугою князя Николая Збаражскаго, Лавриномъ Козулею. И Лавринъ Козуля спрашивалъ пана Михаила Ласка: «для чего ты приказалъ безвинно повѣсить боярина господарскаго Евхима, который имѣлъ братьевъ и оспѣдность въ Жолобѣ?». И панъ Михаилъ Ласко отвѣчалъ: «кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатить; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ». Потомъ спрашивалъ Лавринъ у пана Михаила Ласка: «по какой причинѣ, ты приказалъ замучить на смерть боярина Семена Воронка, Протаса Лавриновича и Степана Сѣдельника, и для чего забралъ себѣ все ихъ имущество?». Панъ Ласко признавался, что Воронко умеръ у него въ тюрьмѣ, а о Лавриновичѣ и Степанѣ сказалъ: «они получили плату по заслугамъ, и я никому не обязанъ давать въ этомъ отчетъ, такъ какъ они были крестьяне моихъ селъ». (Книга гродская Луцкая 1573 года, листъ 166 на оборотѣ).

32. См. [прилож. II](#) (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).
33. Книга гродская Луцкая 1595 года, листъ 70 на оборотѣ.
34. См. [прилож. II](#) (Книга гродская Луцкая 1570 года, листъ 19 на оборотѣ).
35. Книга гродская Владимірская 1601 года, листъ 131.

[Н. Иванишевъ. О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Югозападной Россіи / Изданіе Кіевской Археографической Коммиссіи. — К.: В тип. Федорова и Мин., 1863. — С. 3-34.]